

11. *Колединский Л.В.* Летописный Видбеск: истоки и генезис // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990. С. 52.
12. *Бубенька Т.С.* Вынікі вывучэння гандлёва-рамесленнага пасада раннесярэднявечнага Віцебска (1981-1989 гг.) // Гістарычна-археалагічны зборнік (ГАЗ). Мн., 1993. Ч. 1. С. 34-37.
13. *Левко О.Н.* Новое об исторической топографии Витебска // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практ. канф. 27 сакавіка 1999 года. Мн. 1999. Ч. 2. С. 75.
14. *Левко О.Н.* Памятники второй половины I тыс.н.э. северо-восточной Белоруссии в свете формирования племенных «княжений» // ГАЗ, Мінск, 1994, № 5. С. 215-216.
15. *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. М., 1975. С. 222.
16. Патриаршья или Никоновская летопись // ПСРЛ. М. 1965. Т. 8-9, С. 77.
17. *Седов В.В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X – XII вв. С. 246.
18. *Ляўко В.М.* Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроў'і (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) // ГАЗ. Мн., 1997. № 12. С. 175.
19. *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв., С. 193-195.

УДК 130.2

История и теория немецкого феминизма

О.И. Чеснокова

Феминизм – это исторически изменяющаяся система теорий и практик, которые концентрируют свое внимание на телесной и духовной конституции женщины и ее правах. Он имеет две стороны: с одной стороны – это теория политического, экономического и социального равенства полов; с другой – это практические действия по устранению ограничений, которые дискриминируют женщин. Феминизм был и остается достаточно разнородным течением. Исследователи, изучающие эволюцию западного феминизма, традиционно отмечают три его «волны». По-видимому, настало время говорить о появлении четвертой волны, которая на Западе получила название – «теории сексуального различия» и развивается сегодня преимущественно в европейских странах, в том числе в Германии.

История немецкого феминизма началась тогда, когда Теодор Гиппель в 1792 году предложил меры к «гражданскому улучшению положения женщины», а в 1848 году в революционное время стали возникать женские немецкие журналы и женские демократические объединения. В 1865 году в Лейпциге Луизой Отто и Августой Шмидт был основан «Всеобщий немецкий союз женщин». Однако борцы за женские права, во главе с

Луизой Отто, стремились отделить себя от чересчур «эмансипированных», а также от тех, которые освобождение женщины понимали как «свободную любовь», или причисляли к женским правам курение сигарет [1]. Союз заявлял в своей программе, что труд является обязательством и честью для женщин. В 1883 году Марианна Менцер внесла предложение об организации женского ремесленного союза. Немецкие социалисты вместе с Августом Бебелем в свою очередь требовали устранения неравенства полов. В 1892 году в состав партийного руководства СДПГ входит Клара Цеткин. Появляются рабочие ассоциации и союзы женщин-социалисток, объединенные в Федерацию. После поражения Германии в первой мировой войне женщины получают избирательное право и принимают участие в политической жизни страны. В начале XX века наступает первая фаза немецких феминистских исследований. Алиса Саломон и Марианна Вебер стремились использовать результаты экономических, юридических и культурологических изысканий в политических целях. Однако история женского движения закончилась в 1933 году с приходом к власти национал-социалистов. Для них феминизм был непристойным и подозрительным явлением. Руководителей женского движения посадили в концентрационные лагеря, лишь некоторые из них успели эмигрировать за границу [2].

Во второй половине XX века в Германии возникло второе женское движение. Эти события совпали с появлением второй волны феминизма в Америке, Англии и Франции. Объединяет все эти направления женского движения общая феминистская позиция борьбы против патриархата как господства мужчин над женщинами, что в истории отмечается как противоположность общественных и индивидуальных отношений рода. Это господство осуществляется в трех плоскостях: во-первых, через контроль над женской сексуальностью, над способностью к деторождению, во-вторых, через управление женской рабочей силой, особенно в неоплачиваемой домашней работе, и наконец, через эксплуатацию «женственности» как сформировавшегося столетиями женского социального характера. Самоопределение в сексуальности, упразднение понятия «естественное женское предназначение», отрицание полоролевой специфики – все это для феминисток является решающим рычагом освобождения женщин.

60-е годы XX века – это время дерзких и шумных массовых политических акций феминисток. В 1968 году американские женщины организовали «похороны традиционной женщины» с факельным шествием на Арлингтонском кладбище. Позже они короновали овцу на звание «Мисс Америка». На одной из площадей Нью-Йорка был поставлен «мусорный ящик Свободы», в который женщины выбрасывали косметику, накладные ресницы и т.п. Во Франции в 1970 году женщины возложили два венка к Триумфальной арке в Париже. На первом была надпись – «Неизвестной женщине неизвестного солдата», на втором – «Каждый второй человек – женщина». В это же время возникают кампании против сексуального насилия, против аборт (так называемая «политика тела»). Американские феминистки провозглашают лозунг – «Наши тела – это мы сами». В нем отражается идея неразрывности двух сфер женской личности: материально-телесной и духовно-субъективной. Эта радикальная идея активизировала борьбу за либерализацию контрацептивов и легализацию аборт. В 70-х годах в Германии также действовали несколько сотен всевозможных женских организаций разно-

образных направлений – от лиг защиты права на аборт до радикально феминистских группировок, требующих передачи всех властных полномочий в ФРГ женщинам.

Феминизм 60-70 годов имел сильную социальную направленность. Одним из главных направлений деятельности феминистских организаций являлась социальная работа с женщинами. В это время стали создаваться центры для жертв насилия, юридические консультации, специальные адвокатские конторы, клиники женского здоровья, психологические группы «повышения самосознания». В 70-х годах XX века парламенты ряда стран Западной Европы и США изменили законодательство в области женских прав. В Англии в 1970 году был принят «Акт о равной оплате труда», в 1975 году – «Акт о половой дискриминации» и «Акт о защите безработных» (в нем шла речь об оплачиваемом отпуске по беременности и родам). В Америке в 70-х годах Конгресс одобрил 71 законопроект о женских правах. Это 40% всех женских проектов XX века. Международные организации также вписали женские права в перечень своих главных вопросов. Организация Объединенных Наций объявила десятилетие женщин (1975-1985 гг.) и отметила его конференциями в Мехико, Копенгагене, Найроби и Пекине.

В Германии, по сравнению с другими западными индустриальными странами, относительно поздно начинается дискуссия о необходимости целенаправленных мероприятий помощи женщинам и развитию женской активности. Лишь в 70-х годах немецкое общество приняло активное участие в обсуждении этого вопроса. В 1979-1980 годах в немецком бундестаге в комиссии «квот» слушался вопрос «Женщина и общество», в 1982 году начались экспертные слушания по антидискриминационному закону. Новое женское движение оказалось реалистичным и прагматичным, оно боролось против параграфов и институтов современного общества. Феминистки организовали кампанию за упразднение статьи 218 в немецком законодательстве (против запрета на аборты), дебаты о необходимости заработной платы за «домашний труд», публиковали в первом немецком феминистском журнале «Эмма» факты бытового насилия по отношению к женщинам (этот журнал создала 26 января 1977 года радикальная немецкая феминистка Алиса Шварцер). Все это привлекло в политику домохозяйек. В группах организации женского самообразования они осознавали свой единичный опыт как общественный и политический, что способствовало процессу становления самосознания и вместе с тем «политизации личного». Феминистское движение в Германии вовлекло в свои ряды молодых образованных женщин. Женские образовательные и оздоровительные центры, группы взаимопомощи и самостоятельные женские проекты создали базис всей этой активности, заявили о себе как о культуре, имеющей свои ценности и нормы. Их первоначальной целью была автономия, которая проявлялась в независимости от всех политических группировок и партий. В этом была их политическая сила и слабость одновременно. Это не исключает того, что форма и содержание феминистской деятельности в различных женских группах могли быть различными (например, деятельность женщин в церкви или в партии).

Наиболее последовательными сторонниками включения женщин в политическую и профессиональную сферу в 70-80-х годах выступили левые политические силы ФРГ (социал-демократы – СДПГ, зеленые – Союз 90-зеленые), а также восточногерманские левые социалисты (Партия демократического социализма – ПДС), примкнувшие к ним после 1990 года. Они считали, что присутствие женщин на высших поли-

тических постах Германии должно придать германской политике более взвешенный и миролюбивый характер. В конце 80-х левые партии ввели, так называемые, «женские квоты» на занятие ключевых должностей. Первыми были западно-германские «зеленые», которые в 1989 году приняли решение, что 50% всех выборных постов в их партии будут занимать женщины. СДПГ ввела квоту в 40%. ПДС ввели 50-процентную квоту в начале 90-х годов [3]. Иную позицию занимали представители консервативных партий, которые декларировали политику гендерного равенства, но не спешили ее реализовать. Это немецкие христианские демократы (ХДС-ХСС – их основа баварские католики и представители крупного бизнеса и армейских кругов) и либералы (СвДП). По мнению минского историка В.В. Фрольцова: «консервативные партии не торопились расширять свой партийный актив за счет более широкого привлечения функционеров женского пола в силу традиционной ориентации христианских демократов и либералов, для которых присутствие женщин в политике скорее аномалия, нежели приемлемое, нормальное явление» [3]. В ХДС наиболее активной сторонницей принятия женской квоты (1/3 женщин в партийном руководстве) явилась председатель Женского союза ХДС и президент бундестага Рита Зюссмут, которая в начале 90-х предложила обеспечить гендерное равноправие внутри собственной партии. Против выступили представители консервативных кругов, по мнению которых это решение могло нарушить принцип конкуренции в партийных и государственных структурах. «Однако спустя год на новом партийном съезде ХДС в Ганновере канцлеру Гельмуту Колу удалось убедить своих коллег в необходимости введения такой квоты. В октябре 1996 года 609 из 980 делегатов съезда христианских демократов проголосовали за закрепление за женщинами трети партийных постов» [3, с. 250].

Сегодня в германском Бундестаге заседают 207 женщин (общее количество депутатов – 669 человек). Во фракции свободных демократов женщины составляют 20,9%, СДПГ (партия канцлера Шрёдера) – 35,2%, у «зеленых» – 57,4%, ПДС – 60%, во фракции ХДС/ХСС – 18,4%. Зато у христианских демократов впервые в истории «парадом командует» женщина и возможный кандидат на пост федерального канцлера – восточная немка Ангела Меркель. В нынешнем правительстве женщины возглавляют 6 из 15 министерств: здравоохранения, образования, по вопросам семьи, сельского хозяйства, юстиции и по вопросам экономического сотрудничества и развития.

Можно констатировать, что в настроениях населения Германии к середине 90-х годов произошли значительные изменения в пользу предоставления женщинам равных возможностей во всех сферах общественной и профессиональной деятельности. По данным опроса, проведенного в 1994 году известным институтом исследований общественного мнения ФОРСА, 67% опрошенных жителей страны одобрили применение специальных квот для женщин в политических и профсоюзных организациях. При этом за введение квот выступили 71% женщин и 62% мужчин, что говорит о существовании в современном немецком обществе устойчивого большинства сторонников равенства. В результате активной борьбы женских организаций и активисток политических партий за закрепление в законодательном порядке равноправия мужчин и женщин при занятии различных постов и трудоустройстве были достигнуты существенные успехи на уровне местного самоуправления. В конце 1990-х годов такие правовые акты

существовали уже на федеральном, на региональном и на местном уровнях. В 1994 году был принят новый федеральный закон, который гарантировал полное гендерное равенство при приеме на работу и повышении в должности. Первый правовой акт, регламентирующий решение этой проблемы на местном (коммунальном) уровне, был принят еще в 1982 году магистратом Кельна. За эффективностью применения этого законодательства следили и следят земельные органы власти.

В конце 90-х годов в немецком обществе стало господствовать представление, что цель достигнута. В общественной и личной жизни у мужчин и женщин одинаковые права, и даже у женщин иной раз больше прав, чем у мужчин (ведь существуют специальные «женские квоты» на занятие руководящих должностей в политических партиях, но нет «мужских квот»). При этом возникло предположение, что возможно самостоятельная и независимая жизнь женщины – это лишь некая финансовая, либо лишь стратегическая цель. Взгляд на жизненную действительность большинства немецких женщин показывает, что они поразительно редко реализуют свой теоретический шанс независимости. Основной вопрос для современного женского движения в Германии: Почему женщины используют возможности равноправия в такой незначительной мере? Почему в конце XX века для большинства семей все еще очевидно, что мать должна заботиться о детях, а отец – зарабатывать деньги? Почему большинство девушек все еще ограничиваются традиционными профессиями, а заканчивая образование в юности, они уже готовы как будущие женщины к финансовой зависимости от мужчин. Расхождение между правами и реальностью указывает на серьезное противоречие внутри немецкого общества: с одной стороны, равенство считается желательным большинством населения; с другой, то же самое большинство придерживается традиционного понимания женских ролей, которые несовместимы с действительным равенством. Следствием этого становится то, что семейный доход преимущественно складывается из мужского заработка. Женщины составляют меньшинство на руководящих постах многих предприятий. Разница в доходах мужчин и женщин по-прежнему высока. Пенсионное обеспечение женщин ниже, чем у мужчин. (Например, средняя рента в конце 90-х годов для женщин составляла 793 D.M., для мужчин – 1813 D.M.) [4].

Проблема равенства в Германии напрямую связана с политикой объединения немецких земель в конце XX века. В восточной Германии от последствий радикальной социально-экономической и политической реформы в наибольшей степени пострадали именно женщины. В 1989-1990-х годах присутствие женщин на руководящих постах в бывшей ГДР значительно превышало аналогичные показатели в западногерманских органах власти. «Значительные достижения в сфере гендерного равноправия позволяли руководству СЕПГ постоянно подчеркивать это преимущество «социализма в цветах ГДР» над западногерманской демократией», – пишет Фрольцов [3, с. 260]. В восточной Германии существовала специальная женская организация – «Демократический женский союз», образованный в 1947 году. Его членами накануне падения Берлинской стены являлись почти 1,5 млн. восточногерманских женщин. Его деятельность находилась под строгим контролем партийного и государственного аппарата. Однако в начале 80-х годов в ГДР стали создаваться неформальные женские группы, которые выступали против излишней военизации в воспитании детей и молодежи. Объектом критики стал

принятый Народной палатой 25 марта 1982 года, новый закон о всеобщей воинской повинности, который предусматривал также военное обучение девушек. В период массовых народных выступлений в ГДР осенью 1989 года неформальные женские группы примкнули к тем общественным силам, которые требовали демократизации политической жизни Восточной Германии и в конечном итоге добились отстранения СЕПГ от власти. Многие из этих организаций действовали под эгидой критически настроенной по отношению к правительству ГДР евангелической церкви. Поэтому в Христианско-демократическом союзе, крупнейшей оппозиционной партии ГДР, женщины составляли 46% членского состава. В начале декабря 1989 года более 20 неформальных организаций объединились в Независимый женский союз ГДР и образовали единый предвыборный блок с партией «зеленых».

Когда схлынула демократическая эйфория, оказалось, что равноправие мужчин и женщин в годы существования ГДР было обеспечено гораздо лучше, чем в объединенной ФРГ. Это показали данные опроса общественного мнения, проведенного социологическим институтом Эмнида. Этой точки зрения придерживались 77% жителей восточного региона. Немецкий социолог Урсула Шретер приводит факт, что даже спустя три года после воссоздания единого немецкого государства лишь 39% восточногерманских женщин ощущали какие-либо выгоды от объединения. Среди мужчин сторонников этой точки зрения оказалось 48%. «Примечательно, что 35% женщин, опрошенных в мае 1993 года, полагали, что включение территории бывшей ГДР в состав ФРГ не принесло им лично никакой пользы» [3, с. 261].

Одна из причин этой позиции – рост безработицы среди женского населения этой части ФРГ. Так, в Саксонии в конце 90-х имели работу лишь 40% девушек в возрасте до 25 лет и на каждых 4-х безработных мужчин приходилось 6 безработных женщин. Это можно оценить как постепенное устранение значительной части восточногерманских женщин из сферы активной профессиональной деятельности. По мнению немецкой исследовательницы Мануэлы Бадур, это было предопределено избранной правительством Гельмута Коля стратегией объединения. Она предполагала полное включение жителей бывшей ГДР в социальную систему западногерманского государства. «По этой причине рост безработицы среди женщин, проживающих в новых восточных землях, был фактически неизбежен, поскольку в старых землях ФРГ к моменту объединения лишь около 60% трудоспособных женщин имели постоянную работу либо получали профессиональное образование. В ГДР этот показатель достигал более 91%. Аналогичное несоответствие выявляется и при более детальном сопоставлении доли работающих женщин, принадлежащих к различным социально-демографическим группам, в обеих странах в конце 1980-х годов» [3, с. 262]. Так, до объединения работающие замужние женщины с одним малолетним ребенком составляли в ФРГ – 47%, а в ГДР – 94%; работающие замужние женщины с тремя и более малолетними детьми: в ФРГ – 35%; в ГДР – 83%. Эти цифры требуют комментария, и он не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, это показатель гендерного равноправия, существовавшего в ГДР, с другой, – показатель отсутствия выбора, т.к. содержать семью могли лишь два работника. Также неоднозначны цифры по ФРГ, ко-

торые могут свидетельствовать и об отсутствии гендерной симметрии, и о сильной социальной политике ФРГ, когда женщина могла выбирать дом или работу.

Однако объективно объединение немецких земель привело к ухудшению социального, профессионального и общественно-политического статуса женщин в новых восточных землях. Оно было воспринято в новых землях ФРГ как вытеснение женщин из общественно-политической и профессиональной сферы и способствовало поэтому радикализации восточногерманских женских организаций и групп, которые подвергли сомнению оправданность избранного руководством страны курса в сфере внутренней и внешней политики. Изменение ситуации в женском движении в Восточной Германии в 1990-е годы в целом повторяло аналогичные процессы, которые происходили в западногерманском государстве в конце 70-х-начале 80-х годов. «После воссоздания единого немецкого государства радикальные женские движения в ФРГ получили дополнительную поддержку среди утративших свой прежний социальный и профессиональный статус восточногерманских женщин» [3, с. 263].

В этой связи возникает закономерный вопрос. Насколько точно радикальные феминистские группы отражают настроение населения обновленной Германии? Желает ли современная немецкая женщина равенства в профессиональных правах? Если желает, но не получает, то необходимо создать возможности для реализации женской активности. Как ответ на этот запрос в 90-х годах XX века в Германии возникает целая политика «содействия женщинам» (Frauenförderprogramme) [5]. Обычно с понятием «мероприятия по содействию женщинам» связаны представления об особых программах для женщин, о преодолении несправедливости при приеме на работу, а также идея о предоставлении определенной помощи женщине в конкретной области. Все это есть, однако этим не ограничивается. Под мероприятиями содействия женщинам понимается профессиональное персональное планирование и персональная политика, которые имеют своей целью эффективное использование человеческих ресурсов в интересах личности и государства. Эти мероприятия или программы акций помогают вскрыть господствующий в обществе стереотип, когда при равной квалификации редко возникает сомнение в предпочтительности сотрудника мужчины. Они также учитывают то обстоятельство, что в обществе имеются много квалифицированных женщин, чей профессиональный шанс не реализуется из-за социальных предубеждений, либо из-за неверия в собственные силы.

Задача таких программ – открыть доступ к большому спектру квалифицированных должностей, помочь женщинам в принятии решений, встроить их в рабочую жизнь. Предпосылкой развития мероприятий поддержки женщин на предприятиях и в органах власти является составление Ist-Analyse (анализа фактов). Его основой становится статистический материал о профессиональной занятости мужчин и женщин, о содержании их работы, функций, об уровне заработной платы, частичной занятости, об изменениях этих параметров. Анализ – это важный документ для определения сути проблемы, формирования целевых, перспективных политических действий, поиска шанса для женских рабочих рук, для идентификации возможных пунктов образования, самообразования и переподготовки женщин. Эти данные в дальнейшем становятся формой контроля, а также основой для выводов, в которых отражаются изменения от-

носителем исходного состояния. С помощью Ist-Analyse можно проводить специальные мероприятия, которые могут охватывать такие области, как персональная вербовка, персональный подбор, персональное регулирование, инструктаж, переподготовка, повышение в должности, работа по урегулированию семейных проблем. Программа «женского содействия» не является панацеей, но с ее помощью учитываются специфические условия работы женщин на предприятиях и в органах власти [6].

В современной Германии во главе всей работы по помощи женщинам стоит официальная служба, отделения которой существуют в федеральных органах, в земствах и на коммунальном уровне. Кроме официальной службы в этой области проявляют активность политические партии, многочисленные профсоюзные организации и средства массовой информации.

В Германии мероприятия по поддержке женщин еще молоды, чтобы с их помощью можно было добиться существенных изменений. Подобные организации существуют и в Швейцарии, где известные предприятия объединяются инициативой «Дело вместо слова» (Taten statt Worte). Ее цель – поднять профессиональные шансы женщин в современном обществе. В Америке опыт мероприятий помощи женщинам и этническим меньшинствам существует уже 25 лет. Там работают многочисленные фирмы и представители органов власти, которые имеют обширную информацию об инициативах по улучшению ситуации работающих женщин. Конечно, можно предположить, что в этой стране имеется общественно-предписанный устав к установлению такого плана (affirmative action plans). В противоположность этому в немецком обществе господствует принцип добровольности. Но прошлый опыт отчетливо показывает, что помочь женщинам нельзя только при помощи призывов и обращений, например, таких, как «все можно изменить». Позитивными явлениями в современном немецком обществе являются присутствие женщин в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, в армейских структурах и сфере менеджмента, а также правовые гарантии соблюдения принципа равноправия при приеме на работу и продвижении по службе. Немецкие женщины сегодня сами создают программы профессиональной поддержки, в научной области формируют женское студенческое движение, внутри политических партий организуют женские группы и объединяются в сеть женских организаций.

В современном мире не утихает спор между представительницами различных феминистских позиций, которые используют разные стратегии и приходят к разным выводам. К 70-м годам на Западе сформировалось три основных разновидности феминизма: радикальный феминизм (Кейт Миллет, Суламифь Файерстоун, Мери Дойли и др.), который обратился к поискам общего глубинного основания угнетения женщин. Причиной его оказался патриархат, т.е. система мужского доминирования над женщинами. Однако впервые проблему подавления феминного в маскулинной, патриархатной культуре поставила Симона де Бовуар в работе «Второй пол» (1949 г.). Она писала: «...женщина познает и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют ее принять себя как Другого: ее хотят определить в качестве объекта и обречь тем самым на имманентность, косность, поскольку трансценденция ее будет постоянно осуществляться другим сознанием, сущностным и суверенным» [7]. По Кейт Миллет, «сексуальная политика – это форма социальной власти, это способ контроля над женщинами» [8]. Суламифь

Файерстоун в работе «Диалектика пола» (1970 г.) утверждала, что «женственность – это существенный биологический признак, который способствует природному объединению женщин» [9]. Социал-демократическое направление феминизма (Линда Гордон, Мери О'Брайен и др.) является синтезом феминизма с марксизмом и социал-демократизмом. В нем развиваются традиции, идущие от Фридриха Энгельса, (работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства») и Августа Бебеля (работа «Женщина и социализм»). По их мнению, основная причина дискриминации женщин – это частная собственность и классовое антагонистическое общество, т.е. капитализм и патриархат. Представители третьего либерально-реформистского течения Бетти Фридан, Джульет Митчел и др. утверждают, что наиболее верный способ обретения равных прав – это проведение социально-экономических, юридических и политических реформ в современном обществе.

В 80-90-е годы XX века появляются гендерные исследования, постфеминизм и его новые направления – сверхрадикальный культурный феминизм (сепаратный), который выступает за развитие автономной от мужчин женской культуры. Опыт совместной женской жизни, по их мнению, может стать мощным двигателем общественных изменений. Следующая разновидность – гуманистический феминизм, представители которого говорят о необходимости развития гуманистических аспектов культуры, об учете как женских, так и мужских интересов. Они часто ориентируются не столько на чисто женские проблемы (проблемы аборт, насилия и т.п.), сколько на общечеловеческие – проблемы мира и защиты окружающей среды. Другими разновидностями являются многочисленные «национальные феминизмы» (мусульманский, «черный», постколониальный, славянский и т.п.), в которых положение женщины анализируется не только через категорию пола, но и через категории «раса» и «национальность», а также экофеминизм – синтез экологизма и феминизма. Его представители говорят о мировом вреде, который причиняют человеку и природе разрушительные современные технологии. Выход они видят в развитии положительных наклонностей человека, в новом взаимодействии альтернативной теории и общественной практики. Это должно быть примирение с природой, преодоление противоположностей природы как символа женского и культуры как символа мужского. Природа не должна быть чистым полем для эксперимента или ресурсом для эксплуатации. Она – живое существо (живой современник людей), которое заслуживает внимания и признания своей принципиальной самооценности и невредимости.

На рубеже XX – XXI века рождается четвертая волна феминизма. Теоретики этого направления критически относятся как к понятиям классического феминизма, так и к понятию «гендер», которое активно используют феминистские ученые и практики третьей волны. В конце XX века эта проблема была артикулирована как противоречие между англо-американскими «теоретиками гендера» и европейскими «теоретиками сексуального различия». За что же критикуют его представители неопостфеминизма? Европейская феминистка Роза Брайдотти утверждает, что понятие «гендер» сегодня является одной из основных кризисных точек феминистской теории из-за своей теоретической неадекватности и политической аморфности. Оно подобно «гибкой форме для печени, которая принимает любую форму в зависимости от вашего желания» [10]. «Гендер» – искусственная и компромиссная форма. Понятие «гендер» критикуется за соци-

альный конструктивизм, трактующий субъекта в качестве «социально-данного». В классическом феминизме существуют телеологические политики гендерного конструктивизма. В рамках постфеминистских исследований наоборот возникают политики субъективной сексуальной трансформации. «Женское» в концепциях теоретиков сексуального различия получает статус границы, горизонта, предела репрезентативности, а не социального гендерного конструкта. Критике подвергается также редукционизм гендерного подхода, когда сексуальность атрибутируется гендеру или, наоборот, гендер понимается как каузальный эффект действия режимов сексуальности. По мнению Гейл Рубин, «пол» (сексуальность) и «гендер» – это две различные сферы анализа. Она считает, что должны существовать нередуктивные и некаузальные отношения между полом и гендером. Она отрицает, что сексуальность организует общество только через два пола: мужской и женский. Рубин считает, что феминистская критика гендерной иерархии должна быть преобразована в «радикальную теорию пола», внутри которой должна быть развита автономная теория сексуальности и утверждена ее политическая специфичность. В новое понятие сексуальности необходимо включить все категории сексуальных миноритарных групп, которые нарушают традиционные границы гендера. «Сексуальные миноритарные группы (меньшинства) не всегда состоят из женщин, а иногда и не вписываются в традиционные гендерные дихотомии» [11].

Теоретики обращают внимание на «идеологизм» феминизма – когда опыт и знание подавления отождествляются с «истинным опытом», «истинным знанием». Ими критикуется социологизм и позитивизм понятия «гендер», т.е. сведение гендерной проблематики исключительно к социологической. Социологизированный гендерный анализ не учитывает значимости символических форм реальности. Из анализа выпадают такие понятия, как желание, наслаждение, опасность, удовольствие. Теория феминизма их редуцировала и аннигилировала. Понятие «гендер» также излишне политизировано. Сексуальность нельзя сводить исключительно к отношениям власти и подчинения, так как в культуре существуют многообразные и альтернативные формы сексуальности, которые не описываются конструктивистскими понятиями гендера. Феминистки создали выдающуюся теорию подавления, однако не смогли создать адекватную теорию женской сексуальности.

Представители постфеминизма упрекают классиков «второй волны» – Нэнси Чодоров, Энн Фергюсон, Кэтрин Мак Киннон, и других – в эгалитаризме, биологическом эссенциализме, редукционизме, недостатке кросс-культурных подходов и жестком социальном конструктивизме. В свою очередь, феминистские теоретики критикуют постфеминизм за скептическое отношение к категории гендера, за нечувствительность к проблеме гендерного неравенства. По их мнению, в теории может быть множественность, но на уровне индивидуальной феминистской практики и индивидуальной активности нельзя избегать феминистской определенности и феминистского единства. Критика понятия «гендер» ставит под сомнение освободительные идеалы женского движения и задачи освобождения женской субъективности.

Таким образом, «...«идеологическое» в современной культуре приходит на смену «логическому», а феминизм – как дискурс репрессированных, апеллирующий к чув-

ству справедливости, является наиболее типичным синдромом данной глобальной перемены» – отмечает украинская феминистка И. Жеребкина [12].

В немецкой культуре понятие «гендер» является малоупотребительным, т.к. для анализа проблем пола феминистские исследователи пользуются категорией «Geschlecht» (нем. – пол, род). Само же понятие «феминизм» в немецком словоупотреблении возникло в связи с возникновением женских организаций в Германии, а для движения «Engagierten» (радикальных, агрессивных) оно становится позитивным замещением понятия борьбы женщин за свои права. Оно долгое время оставалось иностранным словом, поэтому его значение все еще проблематично, и как бы «переливается разными цветами» [1, с. 301]. В немецкой стандартной лексике это понятие до сих пор не очень распространено, а если употребляется, то преимущественно в обесцененном, биологизаторском смысле. Возможно это осадок немецкой классической традиции в духе Гегеля, в которой женское начало – телесно, статично, несовершенно, является лишь этапом развития Абсолютного духа, зато мужское – динамично, субъективно и является рупором Идеи. Долгое время «феминизм» понимался как «проявление мужского начала в женском поведении» или как «проявление женских качеств в мужчине». Впервые лишь в 1980 году под заголовком «феминизм» в немецком словаре мы читаем: «Это направление женского движения, которое добивается самостоятельности женщин и отмены традиционного ролевого разделения». Исключительно со ссылкой на англосаксонское и романское словоупотребление в нем дается указание на связь феминизма с мировым женским движением.

Немецкий феминизм – это не только практические действия по достижению равенства, но и развитая теория феминизма, которая включает в себя философские, исторические, культурологические, психологические и экологические знания. Так феминистская философия в Германии возникла в связи с новым женским движением поздних 60-х. Она восприняла при этом импульс, который женское движение в Америке развивало в рефлексивных теориях образования десятью годами раньше. Современная феминистская философия в Европе не мыслится сегодня без духовной и политической инициативы, которая исходит из диалектических просветительских программ критической теории в Германии, или из постструктуралистской философии во Франции. В 1974 году в ФРГ была создана Международная ассоциация женщин-философов, через которую сегодня по всей Европе распространяется критически-ориентированное мышление женщин-философов из различных стран мира. В это же время феминистские ученые артикулировали свои идеи, предложив их обсуждение на лекциях и семинарах молодым научным работникам и студентам в немецкой высшей школе. В 1976 году совместно с феминистскими женскими исследованиями в университетах возникли неформальные женские структуры летних университетов (школ), объединения по профессиональным признакам и феминистские журналы. Сегодня в Германии существует проблема институализации женских исследований, т.к. организовать кафедры феминистских исследований в немецких университетах достаточно сложно. Феминистками эти трудности воспринимаются как определенного рода закалка, испытание на прочность. Они ставят перед собой сначала малые цели, например, создание в университетах групп студенток и преподавательниц, заинтересованных такими исследованиями. В противо-

положность США современные немецкие женские и феминистские исследования оказывают существенное влияние на содержание и структуру немецкого научного сообщества.

В Швейцарии женские исследования существуют как определенная отрасль науки. В 1983 году там были организованы такие объединения, как «Феминистская наука Швейцарии» и «Союз женщин-не-академиков», которые поставили своей целью улучшение шансов женщин на поступление в университеты Женевы, Цюриха и Лозанны.

В Австрии также существуют проблемы институализации феминистских исследований, но все же в университете Инсбрука была открыта первая кафедра, которая занимается данными проблемами. В 1984 году стал функционировать «Австрийский женский летний университет», а в 1985 году – специальный отдел союзного министерства по науке и исследованиям, в том числе женским. Интернациональным направлением деятельности феминистских женских исследований является совместная работа студенток и преподавательниц этих трех немецко-говорящих стран.

Феминистские женские исследования в Германии начали развиваться, прежде всего, в социальных науках (социология, психология, педагогика, политология), а также в исторических науках и в литературоведении. Сегодня объектом феминистского изучения становятся проблемы философии, экологии, лингвистики, теологии, экономики, права, искусства, архитектуры, а объектом феминистской критики – естественные и технические науки.

Женские исследования относятся к предметной области женского вопроса. В них методами различных наук, как правило женщинами, исследуется женская ситуация в обществах прошлого и настоящего. Эти исследовательницы, руководствуясь познавательным интересом, проясняют и подвергают критике дефицит равноправия, говорят о «тяжести эмансипации», обделенности и жизненном риске женщин. Они также вырабатывают рекомендации по устранению этого дефицита и корректируют выводы господствующей научной теории. Одной из форм женских исследований является феминистская философия, которая характеризуется определенной позицией внутри философии в целом. Она рефлектирует по поводу женских тем, акцентируя внимание на их форме и содержании. Кроме того в такой философии «философствующий субъект» сам оказывается женским. Прежняя философия исключала женщин из философской рефлексии, что показывает историко-философская реконструкция знания. Имплицитно мужской философский дискурс обходился без женственного (без женщины как философского субъекта). Именно поэтому феминистская философия стремится обрести собственные принципы понимания действительности. Классическое определение разума становится объектом критики феминисток, так как определяется как мужская инициатива, относящаяся враждебно к присутствию женщин в философии. «Классический разум остается односторонним, «ополовиненным». Здесь генерируется партикулярное мужское мышление, которое узурпирует универсальность и всеобщность разума», – отмечает Бригитте Вайсхаупт [13].

Разрабатываемая женщинами программа феминистской философии получает свой импульс из несогласия женского реального опыта с существующими решениями философских проблем. Для феминистской философии через мысли женщины открывается новая и особенная реальность. Новая философия есть форма определенной критики, конкретизации и расширения философии вообще. Она появляется прежде всего там, где женщина не может выразить себя и свой мир с помощью классического философ-

ского знания. Женщина снова и снова примеряет, приспособливает к себе мир и себя к миру, находит свое выражение мира, преодолевая, по словам Маргарет Мичерлих (Margarete Mitscherlich), «тяжести эмансипации» [14].

Вопрос о философском субъекте выводит нас на более фундаментальные проблемы, является ли феминистская критика разума также антропологической критикой? Отлично ли антропологическое состояние «женщина» от антропологического состояния «мужчина»? Речь при этом не идет о том, что в классической философии обычно определяется как «сущность женщины», или о том как развивается женское мышление. Предметом своего анализа феминистская философия имеет опыт женщины как родового существа, как индивидуума вообще, который рефлексивирует и определяет то, что есть, что может и что должно быть так, как это вытекает из женского опыта. Познавательнотеоретическое следствие этого таково, что для рефлектирующего субъекта (женского и мужского) его собственное физическое и духовное (психическое) бытие становится объективным преимуществом, т.к. для субъекта имеет непосредственное значение его антропологическое состояние полового разделения. В рамках феминистской теории мышление изучает не «сущность», а «бытие» женщины. Однако и мужское мышление в этом контексте обретает антропологическую всеобщность – «бытийственность». Это анализ не «сущности», а «бытия» мужчины. В такой постановке вопроса обнаруживаются экзистенциальные корни феминизма и даже отголоски антропологического материализма Людвиг Фейербаха.

В рамках феминистской этики развиваются идеи ценности женского нравственного опыта. Впервые эти изыскания были предприняты в Америке. Американские исследовательницы создали революционную этику освобождения женщин. Так американский психолог Кэрролл Гиллиган выделяла три уровня развития женской нравственности: уровень самоозабоченности, самопожертвования и высший – уровень самоуважения, до которого женщина доходит достаточно редко, застревая на первых двух [15]. По ее мнению, в патриархальной этике ценности «женского» определяются как свойства, которые вырастают из угнетения, фаворизируются, и при этом вуалируются их мотивации и оценки, которые фактически действуют в обществе. Европейские феминистские авторы так же ратуют за «этику без покорности». Через эмпирический анализ они показывают, что развитие идей морального сознания не фиксировало внимание на особых вариантах оценочного сознания у женщин, что способствовало появлению двойной этики. Прежние этические концепции подвергаются феминистской критике, в свою очередь в феминистской этике анализируются важные варианты развития женского морального сознания.

Центральной проблемой феминистской философской мысли, в том числе немецкой, является вопрос о трактовке понятий «пол/гендер», «половая идентичность», «половая роль» и т.п. В немецком языке используется понятие «Geschlecht». По мнению немецкого автора Урсулы Морф-Роор (Ursula Morf-Rohr), «формирование половой идентичности может объяснить только комплексный, интерактивный способ ее рассмотрения, соединяющий биологические, психические и социокультурные компоненты» [16]. Категория «половая идентичность» (Geschlechtsidentität) совмещает два понятия, оба являются необходимыми аспектами личностного развития человека. В основе объяснительной модели формирования половой идентичности лежит идея поиска

сверхбиологических причин этого феномена. Исследовательница предлагает модель «активного самосозидания»: в фундаменте этого процесса лежит биологическая препозиция, а также знание ребенком собственной половой идентичности, т.к. он уже дифференцирует свой мир либо как мужской, либо как женский. Но ребенок не просто усваивает уже готовые, ожидаемые от него половые роли, заимствуя их у взрослого мира, он еще стремится соответствовать своему гипотетическому образу и своим идеальным установкам. Эта концепция, по мысли автора, объясняет и то, что эмансипация женщин была и остается реальной возможностью, которая в скором времени может воплотиться в действительность.

Одной из наиболее плодотворно развивающейся составляющей немецкого теоретического феминизма является экофеминизм. По мнению доктора философских наук Е.В. Водопьяновой, «он базируется на рассмотрении таких противоположностей современного общества, как естественное-искусственное (техническое, властное, политическое), а также природное-культурное» [17]. Немецкий феминизм не избежал доминирующего влияния национальной духовной культуры, в том числе, ее естественнонаучной составляющей. Здесь исследование феминного начала погружено в мир природы и культуры. Патриархат, следуя логике немецкого феминизма, организует войну против природы и против женщины. Функцию господства мужчины реализуют посредством техники, которая вытесняет женщин из процесса принятия решений. «Женский эмоциональный опыт, таинственная власть женщины над жизнью не соответствуют идеалу мужской рациональности и заставляют мужское сознание восставать против непредвиденности природы, которую олицетворяет женское начало» [17].

Феминистской теорией до сих пор дискутируется вопрос о статусе женской философии. Нужно ли развивать ее как дополнительный момент в рамках уже существующей концептуальной констелляции разума или следует так изменить взгляд на разум, чтобы он получил абсолютно новое выражение? Можно ли сделать философский разум на самом деле всеобщим, освободив его от доминирующей мужской половой специфики, впусив в него женский опыт и стоит ли это делать? Сегодня далеко не завершен процесс создания новой истории западноевропейской мысли с точки зрения женщины. Если и возникают такие исследования на философской почве, то они воспринимаются скорее как единичные, нежели как программные и концептуальные. На этом пути женщины еще до сих пор служат лишь психоаналитической моделью, в то время как они уже критически изменяют, дешифруют культуру, вырабатывают индивидуальный женский взгляд на философские проблемы. Это лишь пробные шаги на пути формирования феминистской философской теории, так как женщины впервые принимаются в фактический дискурс как участники разговора, а также впервые осуществляется настоящий диалог, признающий философскую релевантность полов.

По мнению немецкой исследовательницы Уты Герхард (Ute Gerhard), «было бы ошибкой исходить только из истории феминизма и говорить сегодня об альтернативе между двумя стратегиями эмансипации: между равенством и «другим бытием»; между политикой равноправия, которая чересчур опрометчиво понимается как следование мужскому примеру и «политикой различия», «культурой женского своеобразия». Обе эти стратегии, каждая по своему, основываются на определении женщины как «Друго-

го», и служат в современном обществе, вопреки его программам свободы и равенства, поводом и оправданием для угнетения женщин. Напротив, очень важно для феминизма преодолеть эту ложную альтернативу. Современный феминизм должен стать будущим ориентиром человечества, но не как сепаратизм, а как общее будущее, которое касается нас всех» [1, с. 307]. Сущность этого будущего – улучшение материальных условий жизни женщин и мужчин; устранение пропасти между женской и мужской культурой; изменение не только содержания, но и формы существующей до сих пор политики; иное обращение с природой, а также изменение отношения к жизни вообще, в которой будет упразднено господство человека над человеком. Убеждение, что женщины внесут свой вклад в осуществление этой утопии, есть общее кредо феминизма.

Л и т е р а т у р а

1. *Ute Gerhard*. Feminismus / Frauen Lexikon. Boon, 1999. S. 303.
2. *Gisel Helwig*. Frauen in Deutschland 1945-1992. Boon, 1993. S. 45.
3. *Фрольцов В.В.* Гендерный фактор в формировании внутренней и внешней политики ФРГ в 1980-1990 годах // Сб. Женщины в истории: возможность быть увиденными. Мн., 2001. С. 248.
4. *Barbara Sommerhoff*. Frauenbewegung. Reinbek, 1995. S. 92.
5. *Christa Lippman*. Technik ist auch Frauensache. Frauenförderung im Industriebetrieb. Hamburg. 1986. S. 42
6. *Camilla Krebsbach-Gnath*. Frauenförderung / Frauen Lexikon. Boon, 1999. S. 331-335.
7. *С. де Бовуар*. Второй пол. – СПб., 1997. С. 40.
8. *К. Миллет*. Теория сексуальной политики / Вопросы философии, 1994, № 9. С. 16.
9. *Yasmine Ergas*. Feminisms of the 1970s // A history of women in the West. – Harvard, 1996. P. 535.
10. *Р. Брайдонти*. Путем номадизма // Гендерные исследования, № 4 (1/2000): Харьковский центр гендерных исследований. С. 57.
11. *Г. Рубин*. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Мн., 2000. С. 111.
12. *И. Жеребкина*. «Прочти моё желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000. С. 46.
13. *Brigitte Weisshaupt*. Philosophie, feministische / Frauen Lexikon. Boon, 1999. S. 894.
14. *Margarete Mitscherlich*. Über die Muhsal der Emanzipation. Frankfurt am Main, 1990. S. 63.
15. *Годфруа Ж.* Что такое психология. В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 28-29.
16. *Ursula Morf-Rohr*. Geschlechtsidentität / Frauen Lexikon. Boon, 1999. S. 431.
17. <http://isn.rsuh.ru/iu/jornal4.200/6.htm>